

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Литература и искусство

Орган правления Союза советских писателей СССР, Комитета по делам искусств
при СНК СССР и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР.

№ 33 (137)

12 АВГУСТА

1944 г.

ВЫХОДИТ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Цена 45 коп.

Письмо из Чунцина

Чехов пользуется на Востоке огромной любовью. В Китае переведены почти все его произведения. Его читают не менее Толстого и Тургенева. Как и вся русская культура, творчество Чехова стало международным фактором.

Главнейшая причина популярности писателя заключается, вероятно, в том, что форма и стиль его произведений близки и понятны восточному читателю, который более всего ценит в художественном творчестве лиризм и содержание, свободное от тяжелых и застывших красок.

Ощущение при чтении хорошего рассказа должно напоминать не стеклянный, но мягкий, почти маговый звук нефрита; не вкус кофе, сдобренного сахаром и молоком, но легкую терпкость китайского зеленого чая. И музыка, и живопись должны, на наш взгляд, быть немного шероховатыми.

Эстетические чувства восточного читателя всегда на стороне тех произведений, художественная прелесть которых как бы скрыта под их поверхностью. За внешней шероховатостью обычно таится редкая красота души, смелость и благородство характера. Ценятся вещи, написанные зеленовато-серыми тонами, тонко передающими настроение.

Своеобразная манера письма Чехова оказалась наречностью близкой вкусу нашего читателя: ибо хотя Чехов стихов не писал, все же он — подлинный поэт, рассказы и пьесы его — поэзия.

Влияние Чехова на новую литературу и искусство Китая поистине огромно, хотя это никогда и никем не отмечалось в полной мере. Чтобы дать об этом более конкретное представление, хотелось бы сравнить с Чеховым нашего большого писателя Лу Синя.

Форма и стиль лусиневского творчества, которое было и остается живым протестом против феодальных пережитков в жизни народа, культуре и искусстве Китая, в своей прекрасной самобытности во многом схожи с чеховскими. И Чехов и Лу Синь — писатели-реалисты, певцы рядовых человеческих душ.

В бескрайнем море китайских поэтов и писателей творчество Лу Синя, несомненно, находившегося под большим влиянием Чехова, поражает реализмом, который вообще составляет его сильнейшую черту. Обладая живой, впечатлительной натурой, огромной наблюдательностью, он оказался способным скорее, чем кто-либо другой из писателей, развить тот реализм в китайской литературе, который имеет тенденцию стать основой всего современного искусства Китая. Скучная, тоскливая жизнь людей, словно обойденных судьбою, рождала и у Чехова, и у Лу Синя печаль, внутреннюю боль и разочарование. Человечество, казалось им, страдает неизлечимой болезнью. Но сквозь чисто внешний пессимизм, сквозь серый колорит, лежащий порой на некоторых страницах их книг, отчетливо и зримо выступает здоровый оптимизм и твердая вера в победу разума и справедливости.

Оба писателя занимались, помимо

литературы, медициной: профессиональная невозмутимость регламентировала их гнев, а скальпель и микроскоп выработали у них терпение и беспристрастие в диагнозах. Их анализ одинаково тщателен и остр, и в нем заключены внутренние сочувствие и теплота. Сходство между художниками и в том, что они в равной мере занимались, так сказать, только анатомией, не давая рецептов для лечения больного общества.

Сравнивая произведения Чехова и Лу Синя, мы видим, что их роднит и тонкость восприятия природы, и нежный эмоциональный колорит их лиризма и, главным образом, полное отсутствие в их творческом характере равнодушия к окружающему: ни маленькие жалкие люди, задыхающиеся от скуки и лени, ни безмолвное раболепие, ни капризы развратных и пошлых женщин, ни эгоизм, ни жадность и тухая глупость — ничто не могло укрыться от пытливого взгляда писателей.

У Лу Синя, как и у Чехова, своя, оригинальная и очень интересная манера образного мышления и письма, свои приемы изображения объективной действительности, в которой оба писателя ясно видят зло, пороки, пошлость, несправедливость и огромную правду светлого будущего. Оба художника не хотят идти избитыми путями и находят новую форму в художественной литературе — пестрые заметки, одинаково характерные для русского и китайского писателей.

Влияние Чехова на творчество Лу Синя сказалось не только в тематике, построении сюжета и характеристике героя, но и в идейной, духовной близости их творчества, в жестоким и безжалостном разоблачении фальши, гнили и всякой мерзости окружающей действительности.

Писатели были движимы глубокой верой в прогресс, который является непреложным законом исторического развития. Чехов неизменно мечтал о прекрасном будущем человеческого общества. Он верил, что пройдет триста лет, и жизнь на земле станет прекрасной, весь мир превратится в цветущий сад. Именно эта надежда придавала чеховским рассказам внутреннюю теплоту и обаяние.

Таково же и творчество Лу Синя, поколение которого, однако, жило в еще более интересное время. То, что творческая работа Лу Синя пролекала спустя более чем 30 лет после смерти Чехова, позволило ему собственными глазами увидеть победу Октябрьской революции в СССР и подъем прогрессивных сил в Китае. Ненужной оказалась дистанция в «триста лет»: светлая перспектива наступила значительно раньше. Надежды претворились в действительность. Завтра наступило сегодня. То, что Чехов еще не мог громко, во всеуслышание сказать, выразили Лу Синь и Горький.

Традиции и влияние большого литературного труда Лу Синя на развитие современной китайской литературы в значительной степени, мне кажется, являются плодом чеховских семян, упавших на китайскую почву.

Перевод с китайского.